

К НАМ ЕДЕТ «РЕВИЗОР»

На сцене Орловского театра шла красноярская «Бригантина», а в кабинете главного режиссера заседала режиссерская коллегия. Обсуждался один-единственный вопрос: ставить или нет? Справимся или провалимся? Уже были выкурены все сигареты, высказаны все точки зрения... Разногласий как будто не было, но вынести окончательно решение было трудно. Все понимали, какую ответственность берет на себя театр...

Заседание художественного совета, состоявшее после спектакля, началось не совсем обычно. Главный режиссер Красноярского театра им. Ленинского комсомола И. Р. Штокбант вместо ожидаемого «здравствуйте» сказал следующее:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам прегрешное известие: мы ставим «Ревизора».

— Как «Ревизора»? — воскликнул Г. Турчин, будущий Земляника, полечитель богоугодных заведений.

— Вот те на, — проговорил судья Ляпки-Тяпки — Лева Бриллиантов.

А вслед за этим, нарушая ситуацию гоголевской комедии, раздался голос Хлестакова — Юры Затравкина:

— Зачем же, Исаак Романович, огчего это? Зачем нам «Ревизор»?

Оказалось, вот зачем.

Во-первых:

«Нет человека, который хоть раз в жизни не был бы Хлестаковым». Это слова Гоголя. К сожалению, в большой степени эти слова относятся и к нашему времени.

Во-вторых: Гоголь — это классика, а классика — незаменимая школа для любого театра, молодежный он или не совсем молодежный.

А, в-третьих, режиссерская коллегия предполагает, что... может быть... мы... уже выросли... до «Ревизора». Все-таки в активе театра десять поставленных спектаклей и год борьбы за театр.

Год борьбы за театр...

ЭТО НАЧИНАЛОСЬ ТАК

В восьмой аудитории Ленинградского театрального института идет собрание при закрытых дверях.

Ленинградский горком комсомола, министерство культуры, руководство института «благословило» выпускников-актеров, режиссеров, художников на «подвиг ратный», и сейчас мы обсуждаем лицо нового театра, комсомольского театра в Красноярске.

Лицо театра рисовалось нам следующим образом. Оно должно было быть со-

временным, комсомольским, романтичным, содержательным и бескомпромиссным. Очень красивое получалось у нас лицо.

И пусть многое в новой работе — первой работе в нашей жизни — нам представлялось неясным, все сходилось в одном: «в ванне плавать не научишься». И мы шли плавать в открытое море. «Бригантина» поднимала паруса. Ее ждали оркестры, цветы, речи... И, конечно, рабага.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

Театр наш разместился в здании клуба химиков. Собственного помещения не было. Но, худо-бедно, репетировать начали. Приходилось мириться с положением незрошенных гостей. Работы хватало. Хватало и увлеченности и даже приключений было больше, чем достаточно.

Приключение первое...

В репетиционную комнату входит заведующий шахматной секцией клуба:

Но все же положение с актерами в театре было наиболее благополучным. С постановочной частью дело обстояло гораздо проще. Ее не было. Не было квалифицированных реквизиторов, осветителей, гримеров, рабочих сцены, некому было изготовлять декорации...

И актерам не оставалось ничего иного, как перейти на самообслуживание. Оказались среди нас бывшие столяры и плотники, разбившись мы на бригады и в перерывах между репетициями «вкалывали» декорации... А что ж было делать — премьера приближалась.

ПРЕМЬЕРА И БУДНИ

И вот день открытия театра: 7 декабря 1964 года. Утром — «Ворон», вечером — «Продолжение легенды». Лица радостные, голоса бодрые, настроение — тревожное: вдруг «шленемся»?

Не шленулись. Но чуда не произошло.

Прошли первые спектакли, и всем стала ясна горькая истина: говорить речи гораздо проще, чем заслужить внимание зрителя. Зритель, для которого мы труди-

Сегодня Красноярский театр имени Ленинского комсомола отмечает свою первую годовщину

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Как-то после спектакля в гримбуриные вбежала радостная Лариса Малеванная:

— Смотрите, что мне подарил незнакомый зритель. Совершенно незнакомый, смотрите!

В ее руках была программа спектакля, на которой «незнакомый зритель» написал нам:

«Мы очень любим ваш театр. Вы очень пужны городу. Спасибо вам. Работайте».

Ну, как же тут не работать! Конечно же, мы будем работать, дорогой наш незнакомый зритель.

развлекательный. Волевым с переодеванием не ставим. Выдержим ли мы? С чем возвратимся в Красноярск? Ведь впереди у театра новоселье. В день отъезда на гастроли театр получил собственное помещение. Теперь у нас есть «дом, в котором мы живем». И главное сейчас — гастроли. «Со щитом» или «на щите»?

* * *

Ну, как проходят гастроли, судить не нам, а вам, нашим зрителям. А пока мы продолжаем работать. К нам едет «Ревизор». Уже едет. Уже идут репетиции. Уже возле будки, где продаются пироги, гово-

„БРИГАНТИНА“ ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

— Вот что, дорогие мои, — говорит он, — я очень люблю ваш театр, но я не дам вам репетировать, пока кто-нибудь не выиграет у меня партию в шахматы...

Среди актеров шахматистов не оказалось, и репетиция была сорвана.

Приключение... двадцать первое...

Идет репетиция «Моей старшей сестры».

Надя: Лида, это к тебе Кирилл (входит работник ресторана клуба. Отнюдь не Кирилл).

Не Кирилл: Привет артистам! Вы меня уважаете или вы меня не уважаете?

Режиссер Опоков: Что за безобразие? Почему вы срываете репетицию?

Не Кирилл: А вы меня попросите как следует. Скажите: «Дядя Валя — уйди» — уйду.

Опоков: Уходите медленно!

Не Кирилл: Нет, не так: «Дядя Валя — уйди», а то не уйду...

Кирилл (арт. Муравьев): Дядя Валя — уйди. (Не Кирилл уходит — репетиция продолжается).

лился и который был для нас желанным судьей, посещал театр, мягко выражаясь, недостаточно активно. Это было очень неприятно. Очень. Неужели мы не пужны здесь? А может быть, наше искусство недостаточно понятно? А может быть, мы плохо играем? А может...

К счастью, параллельно со всяческим «а может» продолжалась напряженная работа, и это спасло театр. Были поставлены «Океан» Штейна, «104 страницы про любовь» Радзинского, «Операция «люблю зет» Татарского. А пьеса А. Володина «Моя старшая сестра» стала уже заметным событием в театральной жизни города. У театра появились друзья.

Театр приехал к студентам-медикам со спектаклем «Моя старшая сестра». После спектакля состоялась встреча. Встретились не только зрители с актерами. Встретились сверстники с едиными взглядами на жизнь и на искусство.

Студенчество Красноярска становилось активным зрителем нашего театра.

Пришла весна. Апрель. Театр окреп. Новый главный режиссер И. Р. Штокбант внес в его работу конкретность и деловитость.

И вот первый успех, первое, так сказать, официальное признание.

«Спектаклю Красноярского театра им. Ленкомсомола «Вор в раю» присуждается диплом I степени.

Спектаклю «Мой бедный Марат» — диплом II степени...

Таково было решение жюри фестиваля «Сибирская театральная весна».

Работа продолжалась. Свет рампы увидели «Бумеранг», «Бригантина»...

Приближалось лето.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЛЕТО

Да. Это необыкновенное лето для нас стало необыкновенным. Театр выезжал на первые свои гастроли. Новые зрители, новые сцены... новые условия работы. О театре узнают за пределами Красноярска. Что будут говорить о нас? Пойдет ли к нам зритель? Ведь театр у нас не

рят свое «Э-э» Петры Ивановичи Добчинский и Бобчинский. А Хлестакова завтра же проведут сейчас в фельдмаршалы...

Главный режиссер доволен: «Кажется, получается».

«Кажется»... А ведь для того, чтобы отбросить это зловерное словечко, требуются месяцы работы, добрая сотня репетиций.

И кто знает, может быть, пройдет год, другой, и орловчане, развернув свежую газету, прочтут: «К нам едет «Ревизор». И не из Петербурга, а из Красноярска. И не инкогнито, а совершенно открыто — для самого широкого зрителя.

Ю. ДИМИТРИН,
зав. литературной частью
театра.

Дружеские шаржи на артистов Ю. ЗАТРАВКИНА, В. КОЛПАКОВА, И. ЛЮТВИНСКОГО выполнены студентом художественно-графического факультета пединститута В. Погореловым.

